

КРИТИКА ДЕМОКРАТИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ АНТИЧНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

А.А. Тер-Варданян

*Российско-Армянский университет
aram.ter.vardanyan@gmail.com
ORCID: 0009-0006-2685-2414*

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуются отношения целого ряда выдающихся античных мыслителей к демократии, с точки зрения их политических предпочтений. В этой связи ставится задача проанализировать и определить, прежде всего, характерные особенности их негативного отношения к народной форме правления. *Целью* же работы является рассмотрение и осмысление не причин такой критики, а следствий, т.е. результатов того или иного отношения к демократии, исходя из предпочтений лучшей формы государственного правления. Для достижения поставленной цели в рамках сравнительно-исторического анализа последовательно изучаются мнения античных авторов, выявляются и уточняются характерные особенности их критического отношения к демократии. *Актуальность исследования* заключается в необходимости более глубокого изучения и понимания античных представлений о демократии.

Ключевые слова: форма правления, крайняя демократия, умеренная демократия, власть большинства, свобода, равенство.

Введение

Полемика и споры, направленные на поиск лучшей формы государственной власти, в известной степени способствовали и даже вынуждали античных мыслителей обращаться к проблеме демократического правления. Одни высказывались в ее поддержку, другие не скрывали свои критические взгляды, а третьи, напротив, проявляя умеренность, старались раскрыть как ее положительные, так и отрицательные стороны, тем самым придерживаясь нейтралитета вследствие более взвешенной научной позиции.

Так, например, в духе демократического равенства высказывался софист Антифонт, утверждая, что *«по природе мы все во всех отношениях равны, притом (одинаково) и варвары и эллины»* [1]. А Демокрит из Абдеры, как свидетельствует Стобей, считал, что *«бедность в демократии настолько же предпочтительнее так называемого благополучия граждан при царях, насколько свобода лучше рабства»* [2]. Между тем восхвалял народовластие и Демосфен, поскольку гуманность при ней является господствующим принципом [3].

Напротив, суждения явно не в пользу народного правления можно найти у Фукидида, где оно характеризуется как общепризнанное безрассудство [4]. Неодобрительно о ней высказывался и Псевдо-Ксенофонт – автор анонимного саркастического трактата «Афинская политика», ранее приписываемого Ксенофону [5].

Очевидно, что отношение к народной форме правления в античный период было далеко неоднозначным, что в равной степени относится и к политическим предпочтениям мыслителей древности. При этом вполне очевидно, что выбор какой-либо одной формы правления автоматически предполагал некое критическое отношение к остальным. Именно с такой позиции мы рассматриваем отношение античных мыслителей к демократии. Ограничиваясь узкими рамками предлагаемого исследования, автор, изучая политические воззрения античной мысли, пытается показать специфику критического отношения к народовластию, которая может быть сведена к двум основным вариантам.

Первый из них выражается в неприемлемости любых форм народо-властия, в то время как второй заключается в критике одного вида демократии в пользу какого-либо иного, признаваемого наилучшим государственным устройством.

Демократия в политических предпочтениях античных мыслителей

Вообще, научный дискурс касательно наилучшей формы правления в чем-то напоминает диалог трех персов: Отана, Мегабиза и Дария, которые в присутствии еще четырех заговорщиков, спорят о будущем устройстве Персидского государства. Так, первый из них предложил передать власть всему персидскому народу, тогда как Мегабиз – олигархии. Последним из них выступил Дарий – будущий царь Персии, сетуя за *«правления одного наилучшего властелина»*. После этого четверо, присутствующих при разговоре, встали на сторону Дария [6].

Очевидно, что предпочтения греческого историка ни только не могли совпадать с позицией будущего единовластного правителя Персии, которая в V веке до н.э. стремилась поработить греческие города-государства, но были прямо противоположны ей, что следует из содержания его *«Истории»*. В этом контексте вызывает особый интерес фрагмент, где сторонник демократии Отан, признав неизбежность установления единовластия, отказывается от соперничества, не желая ни властвовать, ни быть подвластным, и отказывается от престола [7].

Здесь нельзя не заметить, что в последнем отрывке историк из Галикарнаса дает превосходную характеристику демократу Отану, который, с одной стороны, с достоинством принимает мнение большинства, а с другой – отказывается участвовать в установлении единовластия, тем самым оставаясь верным демократии. Разумеется, будь Геродот сторонником самодержавия, по сюжету Отана, так же как все, включая Мегабиза, принял бы сторону Дария и навряд ли был бы представлен в образе непоколебимого сторонника демократии. Учитывая данное обстоятельство, становится понятным, что историк являлся приверженцем демократии и критиком абсолютной царской власти.

«Персидский диалог» свидетельствует, что Геродот был в числе первых, кто рассматривал переход от одной формы правления к другой. Данный подход нашел свое отражение и развитие в будущем. Так, например, в диалоге «Государство» Платона Сократ говорит уже не о трех, а о пяти видах государственного устройства, последовательно переходящих одно в другое, создавая замкнутый цикл.

На первом месте из них Сократ ставит аристократию, соответствующую правлению лучших, которую он признает хорошей и справедливой. Далее аристократия может вырождаться в тимократию или тимархию, где власть основывается на честолюбии [8]. Причину перехода Сократ видит в раздорах, возникающих между теми, кто обладает властью. После тимократии он ставит олигархию [9], которая следует за ней. Далее стоит демократия, которая предшествует тирании [10]. По сути, Сократ указывает на пять видов государственного устройства: аристократия, тимократия, олигархия, демократия и тирания, каждая из которых переходит в последующую.

При этом он выделяет четыре вида порочного государственного устройства. Первой по счету идет тимократия, за ней следует олигархия, из которой возникает демократия, а после идет тирания [11]. Таким образом, исключая из «списка» порочные устройства государства, среди которых числится и демократия, Сократ в очередной раз указывает на предпочтительность аристократической формы правления. Определенно, отношение Сократа и Платона к демократии было довольно отрицательным, хотя и не настолько, как к тирании.

Причем, когда речь заходит о политических предпочтениях Сократа и Платона, которые признают за аристократией лучшую форму правления, то многие специалисты упускают из виду, что мыслители в «Государстве» рассматривают аристократию не только как правление лучших, но и как власть одного – наилучшего аристократа [12].

Платон вновь возвращается к исследованию различных видов правления в диалоге «Политик», где их структурная последовательность довольно отлична от той, что предложена в «Государстве». Здесь уже первой по счету идет монархия, затем следует правление

немногих, а после – правление большинства, которое носит имя демократии. Далее, приняв во внимание имеющиеся при двух первых видах насилие и добрую волю, бедность и богатство, законность и беззаконие, мыслитель разделяет их надвое, в результате чего монархия делится на тиранию и царскую власть, а управляемое немногими – аристократию или же олигархию [13]. Таким образом получают следующие формы правления: тирания, царская власть, аристократия, олигархия и демократия. Как в «Государстве», так и после мыслитель негативно отзывался о демократии, считая, что она не способна ни на большое добро, ни на большое зло [14].

Продолжая размышления о государственных устройствах и поиск наилучшей из них, Платон задает следующий вопрос: *«...В каком из упомянутых нами государственных устройств кроется умение управлять людьми?»* [15]. В результате, он приходит к мнению, что *«и из государственных устройств то необходимо будет единственно правильным, в котором можно будет обнаружить истинно знающих правителей»* [16], ведь *«подлинный политик – делает все, руководствуясь искусством и не заботясь о предписаниях»* [17]. Кстати, Платон был не единственным и далеко не первым, кто относился к политическому правлению как к искусству. По свидетельству Плутарха, Демокрит советует изучать *«искусство управлять государством, как наилучшее из всех искусств»* [18].

Разумеется, что в своих размышлениях Платон рисует образ идеального правителя – истинного политика, которому можно доверить абсолютную власть в государстве. При этом речь не идет о классическом или о некоем просвещенном абсолютизме. Политик стоит выше всего этого, поскольку он умен, рассудителен, справедлив и правит, согласно и в соответствии с искусством правления [19]. Посему, можно сказать, что, по мнению Платона, политика – это искусство правления, а политик тот, кто ею обладает. Именно в единоличном правлении совершенного правителя-политика или царя-философа мыслитель видит совершенное государственное устройство.

А после того, как мыслитель, приняв во внимание законность и противозаконие, делит надвое и демократию, то в результате получается уже не пять видов как прежде, а шесть, *«правильное же государственное правление будет стоять особняком и будет седьмым по счету»* [20]. Напомним, что подобное мнение также поддерживалось некоторыми досократиками. Так, например, Гераклит настаивал, что *«один для меня – десять тысяч, если он – наилучший»* [21], а, согласно Демокриту, *«по самой природе управлять свойственно лучшему»* [22].

Тем временем, софист Калликл считал более предпочтительней аристократическую форму правления. Его враждебное отношение к демократии выражалось в противопоставлении законов и обычаев полиса естественному праву. *«Но, по-моему, – утверждал он, – законы как раз и устанавливают слабосильные, а их большинство»* [23]. Довольно отчетливо о своих аристократических предпочтениях высказывался также Псевдо-Ксенофонт. В силу своего критического отношения к демократии его памфлет начинается следующими словами: *«Что касается государственного устройства афинян, то, если они выбрали свой теперешний строй, я не одобряю этого по той причине, что, избрав себе его, они тем самым избрали такой порядок, чтобы простому народу жилось лучше, чем благородным. Вот за это-то я и не одобряю его»* [24]. Заметим, что гораздо раньше идеологом правления аристократического меньшинства, в противоположность демократии и иным конституциям, выступал известный греческий философ и математик Пифагор.

Из вышеприведенных мнений видно, что среди политических мыслителей Древней Греции многие отдавали предпочтение правлению одного наилучшего или немногих аристократов. Впрочем, были и те, которые вообще не придерживались какой-либо формы правления, отвергая все их разом.

Такая апатия, например, была свойственна представителям кинической школы, основателем которой считается Антисфен Афинский. Однако отметим, что некоторые идеи кинизма были довольно созвучны с демократическими признаками равенства и свободы.

Будучи незаконнорожденным, Антисфен, *«высмеивая тех афинян, которые гордились чистотою крови, заявлял, что они ничуть не родовитее улиток или кузнечиков»*, тем самым, выступая за естественное равенство людей [25]. Он не ставил различия между полноправными гражданами и метеками, свободными и рабами. Кроме того, важное значение в кинической философии отводилось свободе, и в частности – к свободе слов (*parrhesia*), сформулированное учеником Антисфена Диогеном Синопским [26].

Несмотря на то, что основополагающими принципами их философии являлась жизнь, согласная с добродетелью [27] и свободой, подобное мировоззрение никак не проявлялось в каких-либо политических предпочтениях и носило чисто индивидуалистический характер. Их безразличие к политике и демократии, в частности, выражалось даже не в скептическом, а скорее, в их издевательском отношении к народному собранию. Так, Антисфен *«советовал афинянам принять постановление: “Считать ослов конями”»* [28].

Свою особенность также имели политические взгляды и представления известнейшего греческого историка Фукидида. Несмотря на свое критическое отношение к демократии, о чем отмечалось выше, историк все же видел необходимость участие всех граждан в политическом обсуждении и важность решения народного большинства [29].

Для Фукидида, принадлежащего к аристократическому сословию, историческим примером лучшей формы правления являлось полисное устройство, установившееся в Афинах после отстранения от власти участников олигархического переворота «Четырехсот» в 411 г. до н.э. По его мнению, этот государственный строй (по крайней мере, в ранний период) представлялся наилучшим для афинян – тем, что представлял благоразумное смешение олигархии и демократии [30]. Очевидно, что выбор некоего среднего между демократией и олигархией, не только говорит об умеренности политических взглядов Фукидида, но и о его негативном отношении к крайностям. Скорее всего, греческий историк был одним из первых, кто отдавал предпочтение смешанной форме правления, что также было свойственно Аристотелю, о чем речь пойдет чуть ниже.

Тем временем, в речи «Ареопагитик», посвященной внутренней организации Афинского полиса, Исократ берет за лучшее государственное устройство «политию» (πολιτεία), которая имела определенное научное хождение в среде аттических мыслителей.

Изначально термин используется оратором для обозначения государственного устройства полиса в целом. Исократ отмечает: *«Полития – душа города. <...> Это ей служат и законы, и ораторы, и рядовые граждане; и каждый из них поступает хорошо или плохо в зависимости от своей политики»* [31]. Несмотря на то, что вначале политика трактуется им достаточно широко, в результате он сводит ее к двум демократическим формам политики – «настоящей», свидетелем которой он был сам, и политике «прошлого», завещанной предками.

Характеризуя первую из них, он с возмущением заключает, что нынешняя политика извращена. Определенно, симпатии мыслителя не на стороне крайней демократии, которая установилась в Афинах при его жизни после Пелопонесской войны и низвержения «Тридцати тиранов». Его предпочтения, напротив, обращены в прошлое, к умеренной политике его предков, которую он яростно защищает, тем самым противопоставляет эти два вида [32].

По сути, Исократ является сторонником умеренной, цензовой демократической политики, существовавшей в прошлом, и не скрывает своего крайне враждебного отношения к ее радикальным проявлениям, объясняя это так: *«Я одобряю равноправие и демократию, но не любую, а лишь хорошо организованную, созданную не как попало, но на справедливой и разумной основе»* [33].

Помимо Исократ, термин «полития» встречается также у его современника – Аристотеля, рассмотрение политических предпочтений которого лучше всего начать с уточнения самого предмета исследования.

Согласно Стагириту, государственное устройство (politeia) означает то же, что и порядок государственного управления, при котором верховная власть принадлежит либо одному, либо немногим, либо большинству. В этой связи он выделяет царскую власть, аристократию

и политику (смещение олигархии и демократии), считая их правильными, так как они руководствуются общей пользой, в противоположность тирании, олигархии и демократия, которые он считает отклонениями [34].

Собственно говоря, ошибочно полагать, что такое обобщение трех выделенных отклонений означает их простое уравнивание. Напротив, мы видим, что Аристотель ни только не склонен к этому, но и подчеркивает их сравнительные отличия. *«Таким образом, – заключает он в четвертой книге «Политики», – тирания, как наихудший из видов государственного устройства, отстоит далее всего от самой его сущности; к ней непосредственно примыкает олигархия (аристократия далеко не то же, что олигархия); наиболее же умеренный из отклоняющихся видов – демократия»* [35].

Уточнив отношение философа к указанным отклонениям, остается определить конституцию, которой он отдает большее предпочтение, при этом ясно понимая, что этот выбор должен быть ограничен одним из правильных форм государства. В пользу такой позиции говорит и сам Аристотель: *«Из трех видов государственного устройства, какие мы признаем правильными, наилучшим, конечно, является тот, в котором управление сосредоточено в руках наилучших»* [36]. Согласимся, что данное суждение, скорее всего, обязывает признать за аристократией политические предпочтения мыслителя, поскольку правление наилучших традиционно принято относить именно к ней [37]. Но оказывается, что такой вывод делать рано, так как признавая за *«олигархией – такой строй, при котором власть находится в руках людей богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство»* [38], мыслитель практически стирает качественное различие между ней и аристократией, тем самым соглашаясь, что при такой олигархии правление также может принадлежать наилучшим. Очевидно, что данное умозаключение входит в известное противоречие с предложенным Аристотелем делением государственных устройств на правильные (как аристократия) и отклонения (как олигархия).

Вообще, складывается впечатление, что чем больше мы стремимся определить предпочтительную для Аристотеля форму государственного правления, тем более запутываемся в его мыслях. Да и сам философ осознает, что *«нелегко при исследовании определить, кому должна принадлежать верховная власть в государстве»* [39]. Так, например, если, следуя за Стагиритом признать, что главными являются демократия и олигархия [40], то возникает очередное затруднение, ибо он же утверждает, что от законов олигархических или демократических нет пользы при решении упомянутых затруднений [41].

Очередное противоречие собственному требованию можно также найти в следующем высказывании, где Аристотель допускает, что *«предпочтительнее, чтобы верховная власть находилась в руках большинства, нежели меньшинства, хотя бы состоящего из наилучших»* [42]. Однако, как отмечалось, для философа из Стагиры демократия лишь предпочтительней из отклонений, а не вообще. Посему, видимая предрасположенность к демократии не исключает также критических рассуждений о ней [43]. Но на этом мыслитель не останавливается и вслед за демократией, с тех же позиций подвергает критическому осмыслению не только тиранию, что вполне очевидно, но, соответственно, олигархию, аристократию и царскую власть [44]. В результате из шести рассматриваемых видов устройств он исключает пять, тем самым оставляя политику в «гордом одиночестве».

Необходимо обратить внимание, что вышеприведенные и зачастую противоположные суждения способны создать ложное впечатление непоследовательности философа. Напротив, все это показывает сложный мыслительный процесс, в результате которого Аристотель, критически осмысляя различные виды правления, посредством сравнения, противопоставления и исключения останавливается на политике, предполагая ее превосходство над остальными.

Мыслитель акцентирует свое внимание на существовании в любом государстве очень состоятельных, крайне неимущих и стоящих между ними людей среднего достатка, которым он отдает предпочтение, считая умеренность и среднее наилучшей [45] добродетелью [46].

Принимая данную парадигму за основу в изысканиях наилучшей формы государственной власти, он заключает, что *«наилучшее государственное общество – то, которое достигается посредством средних»*. Ибо, *«когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей»* [47]. А если учесть, что полития *«в его целом является не демократией и не олигархией, но средним между ними»* [48], то вектор его мысли, становится более чем понятен.

Разумеется, что политический выбор Аристотеля «падает» именно на политию как смешанную форму олигархии и демократии [49]. Основная причина состоит в осознанной угрозе вырождения каждой в свою крайность, и мыслитель при помощи их смешения стремится избавить государство от опасного недуга, тем самым отмечая свое отрицательное отношение к любой из крайностей. Кроме того, будучи уверенным, что государство создается для общего блага, то, в его понимании, именно полития может в достаточной степени реализовать требуемое начало и, тем самым, удовлетворить интересы и богатых, и неимущих [50]. Стало быть, в идеале, полития должна обеспечить интересы не только зажиточного класса и малоимущих, но и граждан среднего достатка.

В целом, политические работы Аристотеля можно считать неким обобщением политико-философской мысли классического периода древнегреческой истории, который заканчивается Ламийской (Эллинской) войной (323–322гг. до н.э.). В результате, Афины утратили свою независимость, что также привело к падению демократического строя.

Таким образом, бывшее величие Афин было безвозвратно утрачено. Потеря самостоятельности, социально-политический кризис и упадок древнегреческих полисов того времени нашло свое выражение в философских воззрениях Эпикура. В основу своего учения он ставит атараксию, суть «безмятежность», душевное спокойствие и отсутствие страданий [51], в чем проявляется индивидуалистический характер его этики.

Важнейшим условием безмятежной и спокойной жизни, по Эпикуру, является обеспечение безопасности [52]. Вопреки собственному утверждению о том, что *«безопасность от людей до некоторой степени достигается с помощью богатства и силы, на которую можно опереться... и удаления от толпы»* [53], философ все же видит ее осуществление, прежде всего, в «договоре о пользе» *«цель которого не причинять и не терпеть вреда»* [54]. Скорее всего, подобная договорная идея предполагала правовое равенство участников соглашения, а, следовательно, может трактоваться в духе демократического начала.

Несмотря на это, эпикурейской философии было свойственна аполитичность. В ней мы находим призывы к неучастию в общественных делах [55]. Согласно Плутарху, Эпикур также был полон скептицизма относительно стремления к власти [56].

Следует учесть, что имеющиеся научные материалы не дают нам ясного понимания политических предпочтений Эпикура. Вероятнее всего, он был противником крайней демократии, которой свойственно безрассудство толпы. О последней он говорил: *«Я никогда не стремился нравиться толпе»* [57]. А если принять во внимание присущий его учению индивидуализм в корреляции с общественно-договорной концепции права, то его можно отнести к сторонникам умеренной демократии, обеспечивающей равенство политических и индивидуальных прав.

Кроме того, важнейшим философским учением эллинистического периода являлся стоицизм, основателем которого считается Зенон Китийский. Известными представителями стоической школы являлись Клеанф, Хрисипп из Сол, Аристон Хиосский и др.

Согласно стоическому мировоззрению, *«конечная цель – это жить согласно с природой, и это то же самое, что жить согласно с добродетелью»* [58]. Если сказать проще, «жить согласно природе» означает жить согласно или в согласии с Богом. При этом стоики выделяли главные и подчиненные им добродетели. К первым они относили разумность, здравомыслие, мужество и справедливость [59]. Среди целого ряда подчиненных добродетелей обращает на себя внимание

«забота об общем благе – знание о равенстве в обществе» [60], что, несомненно, говорит в пользу демократических предпочтений стоического учения. К тому же, Хрисипп настойчиво подчеркивал, что *«ни одна вещь в такой степени не подобна другой, так не равна ей, в какой все мы подобны и равны друг другу»* [61].

Но оказывается, что выводы относительно демократических предпочтений стоиков не столь очевидны, поскольку Зенон и его последователи полагали, что существует два рода людей – достойные и негодные. Достойные люди проводят свою жизнь добродетельно, ведут себя мудро и здраво, а негодные – порочно. При этом достойные действуют со знанием жизни и лучше всех разбираются в управлении государством, а у негодных – все наоборот [62].

По сути, представленная позиция вполне может трактоваться в пользу как аристократического, так и царского правления, в противоположность демократии. *«Ведь и Зенон, заботясь, как и всякий другой, о добродетели, смело высказался о том, что дурные люди не равны в правах с хорошими»* [63]. Между тем следует принять во внимание, что *«Хрисипп в сочинении “О добродетелях” называет благородное происхождение отбросами и отходами равенства»* [64]. Хотя данное суждение несообразно аристократии, оно все же не дает полного права утверждать, что такое устройство отвергалось стоиками.

При этом, согласно Зенону и стоическому учению в целом, абсолютная добродетель свойственна лишь мудрецу, который не ошибается [65] и *«только мудрец свободен и является правителем»* [66]. Самоочевидно, что стоики отнюдь не исключали и даже приветствовали единовластие мудреца.

Обобщая вышеизложенное, следует признать, что политические предпочтения стоиков не сводятся к какому-либо отдельному государственному устройству. С одной стороны, они были привержены демократическому равенству, с другой – аристократическим привилегиям добродетельных над негодными, а с третьей – отмечали необходимость единовластного правления мудреца. Таким образом, будет объективно согласиться с Диогеном, что *«наилучшим государственным*

правлением они считают смешанное из народной власти, царской власти и власти лучших людей» [67].

Идеи древнегреческих стоиков имели значительное влияние на последующие поколения мыслителей, одним из которых являлся известный греческий историк Полибий. Переняв некоторые идеи Платона, Аристотеля и стоиков, Полибий разрабатывает свое политико-правовое учение о лучшей форме правления. Центральное место в его политической философии отводится принципу сменяемости, т.е. перехода одного государственного устройства в другое. В основе самого принципа заложена идея неустойчивости каждой отдельной конституции, что, в результате, и приводит к вырождению одной в другую.

Но прежде, чем Полибий приходит к указанному утверждению, он, как и многие различает три формы государственного устройства: царскую власть, аристократию и демократию. Далее он признает существование еще трех форм государственного устройства, разумея монархию, олигархию, охлократию [68].

Внеся соответствующие уточнения, мыслитель рассматривает последовательный переход одной формы государственного устройства в другое. По его мнению, прежде всего, возникает единовластие, из которого образуется царство. Когда впоследствии царское управление переходит в тиранию, то на ее развалинах вырастает аристократия, которая со временем по закону природы вырождается в олигархию. После свержения последней нарождается демократия, которая, по причине необузданности народной массы и пренебрежения к законам, с течением времени порождает охлократию [69].

Таким образом, Полибий признает три наилучшие формы государственного правления, каждой из которых присуще от природы некая извращенная форма, а именно: царской власти соответствует тирания или самодержавие, аристократии – олигархия, а демократии – охлократия. Как сообщает мыслитель: *«В эти-то формы с течением времени неизбежно переходят поименованные выше государственные устройства, как мы только что разъяснили» [70].*

Разумеется, что причиной такого перехода, Полибий, ссылающегося на опыт Ликурга, видит именно в неустойчивости каждого государственного строя, который зиждился на каком-либо одном начале. С его слов мы делаем вывод, что проблема неустойчивости отдельных форм правления была настолько глубоко осмысленна Ликургом, что при реформировании спартанского законодательства он установил в Лакедемонии безупречную форму правления [71]. Выходит, что, по мнению Полибия, безупречной формой правления является смешение трех начал: царского, аристократического и демократического. Этим и объясняется его положительная оценка современного ему римского государственного устройства [72].

Политические мысли Полибия, наряду с идеями Сократа, Платона, Аристотеля и стоиков, нашли свое место в философских воззрениях римского политического деятеля, оратора и мыслителя периода республики – Цицерона.

Рассмотрение интересующего нас предмета он начинает с «республики» как основополагающего понятия его политической философии. В диалоге «О государстве» мыслитель отмечает, что всякий народ и всякая гражданская община, представляющая собой такое объединение многих людей, является народным установлением и есть народное достояние [73]. Вслед за греческими мыслителями Цицерон сообщает, что управление гражданской общиной следует: *«поручать либо одному человеку, либо нескольким выборным или же его должно на себя брать множество людей, то есть все граждане. И вот, когда верховная власть находится в руках у одного человека, мы называем этого одного царем, а такое государственное устройство – царской властью. Когда она находится в руках у выборных, то говорят, что эта гражданская община управляется волей оптиматов. Народной же (ведь ее так и называют) является такая община, в которой все находится в руках народа»* [74].

Дав довольно сдержанную оценку всем трем видам государства, из которых народное правление оказывается крайней, Цицерон переходит к рассмотрению их недостатков, а если по тексту – пороков. «Но

при царской власти, – замечает мыслитель, – все прочие люди совсем отстранены от общего для всех законодательства и принятия решений, да и при господстве оптиматов народ едва ли может пользоваться свободой... а когда все вершится по воле народа, то, как бы справедлив и умерен он ни был, все-таки само равенство это не справедливо, раз при нем нет ступеней в общественном положении» [75].

Еще одной проблемой, которую он поднимает немного позже, является вырождение одного вида государства в свою противоположность или в другую форму правления, что, само по себе, говорит о недостаточной устойчивости каждой из отмеченных государственных устройств [76]. Приняв во внимание указанные сложности и стремясь уберечь государство от излишних потрясений и пагубных последствий политической борьбы, он приходит к неизбежности соединения всех трех видов правления в единый, четвертый вид [77]. Именно в смешении основных элементов трех различных видов государственных устройств, по мнению Цицерона, заключалась формула устойчивости политической системы Рима. Таким образом, солидаризируясь с Полибием и стоиками, Цицерон признает наилучшим устройством государства смешанную форму правления, соединяющую власть царя, оптиматов и народа [78]. При этом он не скрывает, что *«если бы понадобилось выбрать какой-нибудь один строй в чистом виде, то я одобрил бы царскую власть [и поставил бы ее на первое место]» [79].*

Однако непросто понять предпочтения римского мыслителя в отрыве от политических событий, активным участником которых был он сам. Как известно, на тот момент римская республика находилась в тяжелом кризисе и неустанно двигалась в сторону единовластия, что и вызывало тревогу Цицерона, выступавшего на стороне республики. Он непреклонно был убежден, что *«где существует тиран, там... вообще не существует никакого государства» [80].* Несомненно, философ был традиционным республиканцем, который не поддержал как триумvirат Цезаря, Помпея и Красса, так и последовавший позже режим личной диктатуры. В то же время, безотносительно к тому, что государство является достоянием народа, Цицерон отдает народному

правлению последнее место в ряду предпочтений, ибо именно этот третий вид, по его мнению, и есть самое дурное государство, наименее всего заслуживающего одобрения [81].

Здесь как нельзя лучше подходит критическое высказывание Сенеки, одного из виднейших представителей римского стоицизма, в адрес демократии: *«Не настолько хорошо обстоят дела с человечеством, чтобы большинство голосовало за лучшее: большая толпа приверженцев всегда верный признак худшего»* [82].

Следуя стоической традиции, Сенека считает, что *«человек – разумное существо; значит, для него высшее благо – выполнять то, ради чего он рожден. А что требует от него разум? Ничего трудного: только жить согласно своей природе»* [83].

Как отмечалось ранее, многие греческие стоики считали несправедливым правовое равенство между дурными и хорошими. Несмотря на это, в рамках стоицизма все же развивалась идея стремления к равенству. Так, например, данный принцип находит выражение в «Размышлениях» Марка Аврелия, где римский император говорит *«о государстве, с законом, равным для всех, где признаются равенство и равное право на речь»* [84]. В то же время Сенека полон скептицизма относительно равенства прав в обществе. Он настаивает, что благороден лишь тот, *«кто имеет природную склонность к добродетели»* [85], а поскольку *«добродетель есть нечто высокое, величественное и царственное»* [86], что несвойственно каждому, то люди не равны. Таким образом, он отрицает важнейший признак демократического устройства государства. Он также считает пороком, *«прилаживаться к примеру большинства»*, объясняя это тем, что *«мы удаляемся от природы и предаемся толпе, от которой ничего хорошего исходить не может, которая и тут, как во всем прочем, непостоянна»* [87].

Заметим, что его политические предпочтения складывались под влиянием, как минимум, трех значимых факторов. Первый из них сводился непосредственно к стоическому учению об идеальном образе мудреца, ведь *«мудрец сообразуется с природой»* [88]. Второй фактор заключался в его активной политической деятельности, что налагало

на него, как политика, признание единодержавия римского императора. А третий аспект состоял, скорее, в надежде, что его ученик – молодой император Нерон, станет воплощением этих двух начал, чему Сенека посвятил свой трактат «О милосердии» [89]. Здесь он рисует образ мудрого, справедливого и милосердного правителя Рима. Мудрого, *«поскольку царское достоинство изобретено природой»* [90], справедливого, ибо *«принцепс обязан поэтому с предельным великодушием использовать данное Небом право казнить и миловать»* [91] и милосердного, ведь милосердие к лицу царю или императору, а *«высшая власть служит к украшению и славе, когда сила ее спасительна»* [92]. При этом Сенека далек от признания единовластия *«которое всего более почитает свободу подданных»* [93], на чем настаивал Марк Аврелий.

Заключение

В работе были исследованы политические предпочтения примерно двух с половиной десятков представителей античной философской мысли. На основе предметного изучения их суждений и позиций относительно наилучшей формы правления можно констатировать, что во многих случаях мы сталкиваемся с неопределенностью их выбора.

Так, например, из вышеприведенных суждений Гераклита Эфесского видно, что он являлся сторонником правления наилучшего из граждан, так сказать просвещенного единовластия. В то же время следует обратить внимание на высказывание Гераклита, что *«за закон народ должен биться, как за городскую стену»* [94]. Следовательно, мыслитель допускал участие народа в законотворческой деятельности или в определенном воздействии на процесс принятия политических решений, что вполне можно трактовать в пользу демократического участия. Между тем, нет достаточных оснований отнести его к сторонникам народного правления.

По-иному обстоят дела с политическим выбором Антифонта. Вопреки тому, что софист признавал равенство эллинов и варваров, во

время переворота «Четырехсот» он выступил на стороне олигархии против демократии [95]. Получается, что демократические суждения Антифонта не следует принимать за данность, так как на деле, он проявил себя приверженцем олигархии, а не демократии.

Очевидно, что двойственность политических взглядов была свойственна как Сократу, так и Платону. Однако осмысление приоритетов никак не повлияло на их негативное отношение к демократии.

Итак, принимая во внимание присущую Гераклиту, Антифону, Сократу и Платону неопределенность политических предпочтений, все же имеется достаточно оснований отнести их к противникам демократии, наряду с Пифагором, софистом Калликлом, Псевдо-Ксенофонтом и Сенекой. Впрочем, мы считаем, что список может быть дополнен также Ксенофонтом, который, скорее всего, после смерти Сократа умышленно избегал публично высказываться о своей политической ориентации. Тем не менее, содержание ряда его трактатов – таких, как «Гиерон», «Лакедемонское государство» и, естественно, «Воспоминания о Сократе», явно выдают его крайне негативное отношение к демократии.

К тому же, напомним, что, несмотря на аполитичность кинической школы, Антисфену Афинскому и Диогену Синопскому была свойственна критика и сарказм в адрес демократии, что дает нам право их также причислить к лагерю противников демократии.

Возможно, что к противникам демократии следовало было бы отнести Демокрита, Фукидида, Аристотеля, Исократа и некоторых других мыслителей, но как это не парадоксально, именно из особенности критики возникает различие между противниками и сторонниками демократии.

Как видно из ранее приведенных суждений, на фоне положительного высказывания о демократии, Декорит все же считал, что по природе должен управлять лучший. Но философ из Абдеры, скорее всего, был противником радикальной демократии, а не той, что основана на законе и управляется лучшими гражданами. В пользу этого тезиса говорит его замечание к тому, что если хороший гражданин «...пренебре-

гает общественными делами, то он приобретает дурную репутацию, даже если он ничего не ворует и [вообще] не совершает никакой несправедливости» [96]. Очевидно, что его требование относится ко всем добропорядочным гражданам, а не только к аристократии.

Не менее интересна в контексте критического осмысления демократии позиция Фукидида и Аристотеля, предпочтения которых были на стороне смешанной формы олигархии и демократии. Между тем, чтобы верно понять их отношение непосредственно к демократии, следует уточнить суть этих политических устройств, которые не представлены достаточно определенно.

Если обратиться к главе 41 «Афинской политики» Аристотеля, где в хронологическом порядке сжато представлен обзор политических преобразований в Афинах, то видно, что предпочитаемая Фукидидом смешанной форме правления соответствует девятое преобразование, которое определяется Стагиритом как демократия [97]. Очевидно, что предпочитаемая Фукидидом конституция представляется как ограниченная демократия, которой свойственно цензовое ограничение на замещение должностей, что являлось характерной особенностью политики Аристотеля, в том смысле, что при ее осуществлении народная масса распределяет государственные должности среди состоятельных людей согласно с их заслугами [98]. Относительно же самой политики, он вносит ясность, отмечая, что *«древние называли демократиями те виды государственного строя, которые мы теперь называем политиями»* [99]. Тем самым, мыслитель подтверждает ранее высказанную мысль, что *«те виды государственного строя, которые имеют уклон в сторону демократии, обычно называются политиями, а те, которые склоняются скорее в сторону олигархии, обыкновенно именуется аристократиями...»* [100]. Из слов Аристотеля выходит, что его полития, пожалуй, более демократична, нежели олигархична, а если точнее, речь идет об ограниченной демократии, чем об умеренной олигархии.

Бесспорно, что философ стремился к такому смешению двух видов государственных устройств, чтобы не было уклона ни в одну сторону [101]. Однако позволим себе отметить, что совершенно равное

смешение нескольких форм правления в одну, к чему стремится Аристотель, сложно осуществимо, что, не без оснований, признает им самим [102]. По сути, получается, что любая смешанная конституция будет иметь уклон в сторону одной из форм правления и/или представлять собою один из их видов. Например, обращаясь к четырем аристотелевским видам демократии, легко понять, что его полития, по сути, очень схожа и даже идентична с первым видом, представляющим собою умеренную форму демократии [103]. То же самое можно сказать и о рассматриваемых Исократом политиях, которые соответствуют двум видам демократии. Первая – современная, которую он подвергал критике из-за ее крайних проявлений, а вторая – ограниченная или цензовая демократия предков, которая им восхвалялась как наилучшая. Следовательно, мы имеем дело с различными видами демократии. В этом смысле, довольно примечательно мнением английского историка Лорда Актона. Осмысляя равное смешение трех принципов правления, он приходит к выводу, что *«...гармоническое слияние монархии, аристократии и демократии, представлявшееся многим из этих писателей идеалом, осуществленным, как они полагали, в Спарте, Карфагене и Риме, осталось химерой философов и не было воплощено в античные времена. Наконец, умнейший из них, Тацит, признал, что как ни замечательна смешанная конституция в теории, но построить на ее основе государство крайне затруднительно, а сохранить его – невозможно»* [104].

И в самом деле, на практике все оказывается иначе. Так, если соединить различные свойства, предположим, демократии и олигархии, то, в результате, скорее получится не смешанная конституция, а какой-то вид демократии или олигархии. Все зависит от организации и функционирования системы государственной власти.

Здесь принципиально важно понимание, что, хотя теоретические предпочтения многих античных мыслителей были на стороне различных смешанных политических систем, но на практике все они в той или иной степени имели уклон и могли быть сведены к какому-либо из форм государственного устройства. По сути, об этом же говорит и

Гуго Гроций в трактате «О праве войны и мира»: *«Здесь я отнюдь не могу сослаться на авторитет Полибия, относящего Римское государство к разряду государств со смешанной формой правления, поскольку в то время, если иметь в виду не фактический порядок, но правовые основания государственной деятельности, оно было чисто народным, ибо и власть сената, выражавшего участие знатных в правлении, и консулов, по его мнению, имевших почти царскую власть, была подчинена народу. То же относится и к мнению других авторов политических рассуждений, которые предпочитают довольствоваться внешней формой повседневной административной практики, нежели вникать в самые права верховной власти в соответствии с сущностью государственного строя»* [105].

Из приведенного суждения Гроция проистекает следующее: несмотря на сложно функционирующую политическую систему, Римская республика представляла собой ограниченную демократию. А если учесть, что Полибий и Цицерон одобряли такую конституцию, то их, хотя и с некоторыми оговорками, можно отнести к сторонникам умеренной демократии, учитывая их критику абсолютного народо-властия. Кстати, данный вывод справедлив и для стоической школы, где уважение к достойным и образ мудрого и справедливого правителя вполне перекликаются со стремлением к равенству в обществе.

Исходя из такой логики, список может быть расширен Демокритом, Фукидидом, Исократом и Аристотелем. Это объясняется тем, что политические предпочтения вышеуказанных мыслителей формировались в контексте критических оценок именно крайней, а не ограниченной демократии, которая представлялась ими как смешанная система. К сторонникам умеренной демократии также относятся Протагор, Геродот, Эсхин [106], Эпикур и Марк Аврелий. Даже такие ярые поборники народной власти, как Лисий [107] и Демосфен [108], все же придерживались умеренности – тем, что признавали цензовую демократию, установленную их предками. Возможно, единственный из греческих мыслителей, чьи воззрения можно рассматривать как крайнюю позицию, являлся Алкидам Элейский, софист младшего поколения.

Он высказывал поистине утопические для своего времени требования, а именно уничтожение института рабства, тем самым развивая мысль о естественно-правовом равенстве всех людей [109].

В результате исследования было достаточно наглядно проиллюстрировано, что поиск наилучшей формы правления для абсолютного большинства политических мыслителей был непосредственно сопряжен с критическим осмыслением демократии. Между тем, рассматривая критику через призму политических предпочтений, можно выявить заметное различие между противниками и сторонниками демократии. Дело в том, что первые критически относились к любой форме демократии, тогда как вторые, негативно высказываясь о крайней, видят в умеренной демократии реализацию наилучшего правления. Таким образом, получается, что одни выступали против демократии вообще, в то время как другие – по большей части против радикальных форм осуществления власти народа, в противоположность умеренной. Кроме того, заметим, что, несмотря на изобилие критики народовластия в сравнении с положительными оценками, при ее рассмотрении в контексте политических взглядов оказывается, что указанное соотношение меняется в пользу народного правления. Обращает на себя внимание и то, что среди такого множества мыслителей трудно вообще найти того, кто восхвалял бы крайнюю демократию, в то время как практически все положительные оценки демократии относились к ее ограниченной форме. Несомненно, что данное заключение делает гораздо более отчетливыми наши представления об античном понимании демократии, где ее положительный образ коррелировался с умеренностью.

Что касается непосредственно политических предпочтений античных мыслителей, то в этой связи, во-первых, была затронута и проанализирована важная проблема неустойчивости смешанных политических систем. Во-вторых, отмечено отсутствие единодушия относительно наилучшей формы правления как некой универсальной конституции формирования и отправления политической власти. В-третьих, было показано, что понимание политических предпочтений

многих мыслителей древности усложняется их неоднозначными и зачастую противоположными суждениями относительно одной и той же формы власти, что приводит к неопределенности их политического выбора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маковельский А.О.* Софисты. Антифонт. Вып. 2. Баку, 1941. С. 46.
2. *Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Демокрит* // Общ. ред. и вступ. статья М.А. Дынника. М.: «Госполитиздат», 1955. С. 168.
3. *Демосфен.* Речи: В 3-х т. Т. I / Отв. ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. М.: «Памятники исторической мысли», 1994. С. 151.
4. *Фукидид.* История / Отв. ред. Я.М. Боровский. Л.: «Наука», 1981. С. 302.
5. *Аристотель.* Афинская полития. Государственное устройство афинян. 2-ое изд. / Пер. и примеч. проф. С.И. Радцига. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1937. СС. 232–233.
6. *Геродот.* История в девяти книгах / Пер. и прим. Г.А. Стратановского, под общей редакцией С.Л. Утченко. Л.: «Наука», 1972. СС. 164–165.
7. Там же. СС. 165–166.
8. *Платон.* Государство. Сочинения в 3-х т. Т. 3. Ч. 1 / Пер. с древнегреч. Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Ред. В.Ф. Асмус. М., «Мысль», 1971. С. 241. СС. 357–358.
9. Там же. С. 360.
10. Там же. С. 413.
11. Там же. С. 356.
12. Там же. СС. 241–242.
13. *Платон.* Политик. Сочинения в 3-х т. Т. 3. Ч. 2 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. М.: «Мысль», 1972. СС. 55–56.
14. Там же. С. 57.
15. Там же. С. 58.
16. Там же. С. 67.
17. *Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Демокрит* // Общ. ред. и вступ. статья М.А. Дынника. М.: «Госполитиздат», 1955. С. 168.
18. *Платон.* Политик. Сочинения в 3-х т. Т. 3. Ч. 2. / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. М.: «Мысль», 1972. С. 58.

19. Там же. С. 70.
20. Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Гераклит / Общ. ред. и вступ. статья М.А. Дынника. М.: «Госполитиздат», 1955. С. 45.
21. Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Демокрит / Общ. ред. и вступ. статья М.А. Дынника. М.: «Госполитиздат», 1955. С. 168.
22. Платон. Политик. Сочинения в 3-х т. Т. 3. Ч. 2 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. М.: «Мысль», 1972. С. 71.
23. Платон. Горгий. Сочинения в 3-х томах. Т. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Пер. с древнегреч. Ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1968. СС. 307–308.
24. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян. 2-ое изд. / Пер. и примеч. проф. С.И. Радцига. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 223.
25. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1979. С. 234.
26. Там же. С. 256.
27. Там же. С. 268.
28. Там же. С. 236.
29. Фукидид История / Отв. ред. Я.М. Боровский. Л.: «Наука», 1981. С. 280.
30. Там же. С. 395.
31. Исаева В.И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. М.: «Наука». Издательская фирма «Восточная литература», 1994. С. 205.
32. Там же. С. 205.
33. Там же. С. 211.
34. Аристотель. Политика. Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 457.
35. Там же. С. 489.
36. Там же. С. 484.
37. Там же. С. 501.
38. Там же. С. 492.
39. Там же. С. 462.
40. Там же. С. 491.
41. Там же. С. 463.

42. Там же. СС. 463–464.
43. Там же. СС. 462–463.
44. Там же. С. 463.
45. Там же. С. 507.
46. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 86.
47. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 508.
48. Там же. С. 417.
49. Там же. С. 502.
50. Там же. С. 503.
51. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступ. статья А.Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1979. С. 436.
52. Там же. С. 438.
53. Там же. С. 439.
54. Там же. С. 440.
55. Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Эпикур // Общ. ред. и вступ. статья М.А. Дынника. М.: «Госполитиздат», 1955. С. 222.
56. Там же. С. 236.
57. Там же. С. 231.
58. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступит. статья А. Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1979. С. 295.
59. Фрагменты ранних стоиков. Т. 3. ч. 1. Хрисипп из Сол / Пер. и комментарии А.А. Стоярова. М.: «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2007. С. 101.
60. Там же. СС. 101–102.
61. *Цицерон*. Диалоги. О государстве. О законах / Пер. В.О. Горенштейна, прим. И.Н. Веселовского и В.О. Горенштейна, С.Л. Утченко. Отв. ред. и послесл. С.Л. Утченко. М.: «Наука», 1966. С. 98.
62. Фрагменты ранних стоиков. Т. 1. Зенон и его ученики / Пер. и комментарии А.А. Стоярова. М.: «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 1998. С. 90.
63. Там же. С. 93.

64. Фрагменты ранних стоиков. Т. 3. ч. 1. Хрисипп из Сол / Пер. и комментарии А.А. Стоярова. М.: «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2007. С. 134.
65. Фрагменты ранних стоиков Т. 1. Зенон и его ученики / Пер. и комментарии А.А. Стоярова. М.: «Греко-латинского кабинета Ю.А. Шичалина», 1998. С. 24.
66. Фрагменты ранних стоиков. Т. 3. ч. 1. Хрисипп из Сол / Пер. и комментарии А.А. Стоярова. М.: «Грека-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2007. С. 141.
67. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1979. С. 308.
68. *Полибий*. Всеобщая история в 3-х т. Т. 2. (Кн. VI–XXV) / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко; Отв. ред. А.Я. Тыжов. Изд. 2-е, испр. СПб.: «Наука», 2005. СС. 8–9.
69. Там же. С. 9.
70. Там же. С. 13.
71. Там же.
72. Там же. С. 14.
73. *Цицерон*. Диалоги. О государстве. О законах / Пер. В.О. Горенштейна, прим. И.Н. Веселовского и В.О. Горенштейна, С.Л. Утченко. Отв. ред. и послесл. С.Л. Утченко. М.: «Наука», 1966. С. 21.
74. Там же. СС. 21–22.
75. Там же. С. 22.
76. Там же. С.С. 25, 30–32.
77. Там же. С. 23.
78. Там же. С. 26.
79. Там же.
80. Там же. С. 68.
81. Там же. С. 69.
82. *Сенека* О блаженной жизни // Сенека Луций Анней Философские трактаты / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т.Ю. Бородай. СПб.: «Алетейя», 2001. С. 14.
83. *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию / Изд. подгот. С.А. Ошерова; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: «Наука», 1977. С. 71.

84. *Марк Аврелий Антонин*. Размышления // Изд. подготовили А.И. Доватур, А.К. Гаврилов, Я. Унт. Изд. 2-е, испр. и доп. С.-Пб.: «Наука», 1993. С. 6.
85. *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию / Изд. подгот. С.А. Ошерова; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: «Наука», 1977. С. 74.
86. *Сенека*. О блаженной жизни // Сенека Луций Анней. Философские трактаты / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т.Ю. Бородай. СПб.: «Алетейя», 2001. С. 18.
87. *Сенека Луций Анней*. Нравственные письма к Луцилию / Изд. подгот. С.А. Ошерова; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: «Наука», 1977. С. 249.
88. Там же. С. 32.
89. *Сенека Луций Анней*. О милосердии // Луций Анней Сенека; пер. с лат. М. Браша и др. СПб.: «Азбука», «Азбука-Аттикус», 2021. С. 199.
90. Там же. С. 220.
91. Там же. С. 223.
92. Там же. С. 202.
93. *Марк Аврелий Антонин*. Размышления / Изд. подготовили А.И. Доватур, А.К. Гаврилов, Я. Унт. Изд. 2-е, испр. и доп. С.-Петербург: «Наука», 1993. С. 6.
94. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: «Мысль», 1979. С. 359.
95. *Фукидид*. История // Отв. ред. Я.М. Боровский. Л.: «Наука», 1981. С. 380.
96. Материалисты Древней Греции: Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. Демокрит / Общ. ред. и ступ. статья М.А. Дынника. М.: «Госполитиздат», 1955. С. 169.
97. *Аристотель*. Афинская полития. Государственное устройство афинян. 2-ое изд. / Пер. и примеч. проф. С.И. Радцига. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 56.
98. *Аристотель*. Политика. Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. СС. 483–484.
99. Там же. С. 514.
100. Там же. С. 502.
101. Там же. С. 504.
102. *Аристотель*. Политика. Аристотель Соч.: в 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: «Мысль», 1984. С. 510.

103. Там же. С. 575.
104. *Лорд Актон*. Очерки становлении свободы: 2-е изд., доп. // Лорд Актон; пер. с англ. Ю. Колкера; предисл. О. Чадвика. М.; Челябинск: «Социум», 2016. С. 68.
105. *Гроций Гуго*. О праве войны и мира / Пер. с лат. и примеч. А. Л. Саккетти. Предисл. С. Б. Крылова. Вступит. ст. А.А. Желудков. М.: «Госюриздат», 1956. С. 141.
106. *Эсхин*. Против Ктесифонта о венке // Ораторы Греции: Пер. с древнегреч. // Сост. и науч. подгот. текстов М. Гаспарова; Вступ. статья В. Бо- руховича; Комментар. И. Ковалевой и О. Левинской. М.: «Худож. лит.», 1985. С. 162.
107. *Лисий*. Речи / Пер., статья, коммент. С.И. Соболевского; предисл. Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. М.: «Ладомир», 1994. С. 61.
108. *Демосфен*. Речи: В 3-х т. Т. I / Отв. ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, Э.Д. Фролов. М.: «Памятники исторической мысли», 1994. С. 145.
109. *Белох Ю.* Греческая история: в 2-х т. Т. 1. Кончая софистическим движением и Пелопоннесской войной / Юлиус Белох; пер. с нем. М.О. Гершензона; Гос. публ. ист. б-ка России. 3-е изд. / Под ред. и со вступ. ст. Ю.И. Семенова. М., 2009. С. 374.

REFERENCES

1. *Makovelsky A.* Sophists. Antiphon. Issue 2. Baku, 1941. P. 46.
2. Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus, and Epicurus. Democritus. // General editorship and step-by-step article by M.A. Dynnik. M.: “Gospolitizdat”, 1955. P. 168.
3. *Demosthenes*. Speeches: In 3 volumes. Vol. I / Responsible editors E.S. Golubtsova, L.P. Marinovich, E.D. Frolov. M.: “Pamyatniki istoricheskoi mysli”, 1994. P. 151.
4. *Thucydides*. History / Responsible editor Ya.M. Borovsky. Leningrad: “Nauka”, 1981. P. 302.
5. *Aristotle*. Athenian Polity. State Structure of the Athenians. 2nd ed. / Transl. and noted by prof. S.I. Radtsig. M.: State Social and Economic Publishing House, 1937. PP. 232–233.
6. *Herodotus*. History in Nine Books / Transl. and noted by G.A. Stratanovsky, ed. by S.L. Utchenko. Leningrad: “Nauka”, 1972. PP. 164–165.

7. Ibid. PP. 165–166.
8. *Plato*. Republic. Works in 3 volumes. Vol. 3, Part 1 / Transl. from Ancient Greek. General editors: A.F. Losev and V.F. Asmus. Ed. by V.F. Asmus. M.: “Mysl”, 1971. P. 241. PP. 357–358.
9. Ibid. P. 360.
10. Ibid. P. 413.
11. Ibid. P. 356.
12. Ibid. PP. 241–242.
13. *Plato*. Republic. Works in 3 volumes. Vol. 3, Part 1 / Transl. from Ancient Greek. General editors: A.F. Losev and V.F. Asmus. Ed. by V.F. Asmus. M.: “Mysl”, 1971. PP. 55–56.
14. Ibid. P. 57.
15. Ibid. P. 58.
16. Ibid. P. 67.
17. Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus, and Epicurus. Democritus / General editorial and step-by-step article by M.A. Dynnik. M.: “Gospolitizdat”, 1955. P. 168.
18. *Plato*. Politician. Works in 3 volumes. Vol. 3, Part 2. // General editorial by A.F. Losev and V.F. Asmus. Translated from Ancient Greek. M.: “Mysl”, 1972. P. 58.
19. Ibid. P. 70.
20. Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus, and Epicurus. Heraclitus / General editorial and step-by-step article by M.A. Dynnik. M.: “Gospolitizdat”, 1955. P. 45.
21. Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus, and Epicurus. Democritus / General editorship and introduction by M.A. Dynnik. M.: “Gospolitizdat”, 1955. P. 168.
22. *Plato*. Politician. Works in 3 volumes. Vol. 3, Part 2 / General editorship by A. F. Losev and V.F. Asmus. Translated from Ancient Greek. M.: “Mysl”, 1972. P. 71.
23. *Plato*. Gorgias. Works in 3 volumes. Vol. 1. General editorship by A.F. Losev and V.F. Asmus. Translated from Ancient Greek. Ed. and introduction. Article by A. F. Losev. M.: “Mysl”, 1968. PP. 307–308.
24. *Aristotle*. Athenian Polity. The State Structure of the Athenians. 2nd ed. / Translated and annotated by prof. S. I. Radtsig. M.: “State Socio-Economic Publishing House”, 1937. PP. 223.

-
25. *Diogenes Laërtius*. On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers / General editor and introduction. Article by A.F. Losev. M.: "Mysl", 1979. PP. 234.
 26. Ibid. Pp. 256.
 27. Ibid. Pp. 268.
 28. Ibid. Pp. 236.
 29. *Thucydides*. History / Ed. Ya. M. Borovsky. L.: "Nauka", 1981. P. 280.
 30. Ibid. P. 395.
 31. *Isaeva V.* Ancient Greece in the Mirror of Rhetoric: Isocrates. M.: "Science". Publishing firm "Eastern Literature". 1994. P. 205.
 32. Ibid. P. 205.
 33. Ibid. P. 211.
 34. *Aristotle*. Politics. Aristotle. Works: in 4 volumes. Vol. 4 / Translated from ancient Greek; General editor A. I. Dovatura. M.: "Mysl", 1984. P. 457.
 35. Ibid. P. 489.
 36. Ibid. P. 484.
 37. Ibid. P. 501.
 38. Ibid. P. 492.
 39. Ibid. P. 462.
 40. Ibid. P. 491.
 41. Ibid. P. 463.
 42. Ibid. PP. 463–464.
 43. Ibid. PP. 462–463.
 44. Ibid. P. 463.
 45. Ibid. P. 507.
 46. *Aristotle*. Nicomachean Ethics // Aristotle. Works: in 4 volumes. T. 4 / Trans. from ancient Greek; General ed. A.I. Dovatura. M.: "Mysl", 1984. P. 86.
 47. *Aristotle*. Politics // Aristotle. Works: in 4 volumes. T. 4 / Trans. from ancient Greek; General ed. A.I. Dovatura. M.: "Mysl", 1984. P. 508.
 48. Ibid. P. 417.
 49. Ibid. P. 502.
 50. Ibid. P. 503.
 51. *Diogenes Laërtius*. On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers / General editor and introduction by A.F. Losev. M.: "Mysl", 1979. P. 436.
 52. Ibid. P. 438.

53. Ibid. P. 439.
54. Ibid. P. 440.
55. Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus, and Epicurus. Epicurus / General editorship and introduction by M.A. Dynnik. M.: "Gospolitizdat", 1955. P. 222.
56. Ibid. P. 236.
57. Ibid. P. 231.
58. *Diogenes Laërtius*. On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers / General editorship and introduction by A.F. Losev. M.: "Mysl", 1979. P. 295.
59. Fragments of the Early Stoics, Vol. 3, Part 1. Chrysippus of Soli // Translated and commented by A.A. Stolyarov. M.: "Greek-Latin Cabinet" by Yu.A. Shichalina, 2007. P. 101.
60. Ibid. PP. 101–102.
61. *Cicero*. Dialogues. On the State. On the Laws / Translated by V. O. Gorenshtein, notes by I.N. Veselovsky and V.O. Gorenshtein, S.L. Utchenko. Responsible. ed. and afterword by S.L. Utchenko. M.: "Nauka", 1966. P. 98.
62. Fragments of the Early Stoics. Vol. 1. Zeno and His Disciples / Tran. and commented by A.A. Stolyarov. M.: "Greco-Latin Cabinet" of Yu.A. Shichalin, 1998. P. 90.
63. Ibid. P. 93.
64. Fragments of the Early Stoics. Vol. 3, Part 1. Chrysippus of Soli / Trans. and commentary by A.A. Stolyarov. M.: "Greco-Latin Cabinet" by Yu.A. Shichalin, 2007. P. 134.
65. Fragments of the Early Stoics Vol. 1. Zeno and His Disciples / Trans. and commentary by A.A. Stolyarov. M.: "Greco-Latin Cabinet" by Yu.A. Shichalin, 1998. P. 24.
66. Fragments of the Early Stoics Vol. 3, Part 1. Chrysippus of Soli / Trans. and commentary by A.A. Stolyarov. M.: "Greco-Latin Cabinet" by Yu.A. Shichalin, 2007. P. 141.
67. *Diogenes Laërtius*. On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers / General ed. and introduction. Article by A.F. Losev. M.: "Mysl", 1979. P. 308.
68. *Polybius*. General History in 3 Volumes. Vol. 2. (Books VI–XXV) / Translated from Greek by F.G. Mishchenko; Ed. by A.Ya. Tyzhov. 2nd edition, corrected. St. Petersburg: "Nauka", 2005. PP. 8–9.

-
69. Ibid. P. C. 9.
 70. Ibid. P. 13.
 71. Ibid.
 72. Ibid. P. 14.
 73. *Cicero*. Dialogues. On the State. On the Laws / Translated by V.O. Gorenshtein, notes by I.N. Veselovsky and V.O. Gorenshtein, S.L. Utchenko. Responsible editor and afterword by S.L. Utchenko. M.: "Nauka", 1966. P. 21.
 74. Ibid. PP. 21–22.
 75. Ibid. P. 22.
 76. Ibid. P. 25, 30–32.
 77. Ibid. P. 23.
 78. Ibid. P. 26.
 79. Ibid.
 80. Ibid. P. 68.
 81. Ibid. P. 69.
 82. *Seneca*. On the Blessed Life // Seneca Lucius Annaeus Philosophical Treatises / Trans. from Latin, introduction, commentary by T.Yu. Boroday. St. Petersburg: Aletheia, 2001. P. 14.
 83. *Seneca Lucius Annaeus*. Moral Letters to Lucilius / Ed. prepared by S.A. Oshero; Responsible. editor M.L. Gasparov. M.: "Nauka", 1977. P. 71.
 84. *Marcus Aurelius Antoninus*. Meditations / Ed. prepared by A.I. Dovatour, A.K. Gavrilov, Ya. Unt. 2nd ed., corrected and enlarged. St. Petersburg: "Nauka", 1993. P. 6.
 85. *Seneca Lucius Annaeus*. Moral Letters to Lucilius // Ed. prepared by S.A. Oshero; Ed. M.L. Gasparov. M.: "Nauka", 1977. P. 74.
 86. *Seneca*. On the Blessed Life // Seneca Lucius Annaeus. Philosophical Treatises / Translated from Latin, introduction, commentary T.Yu. Boroday. St. Petersburg: "Aletheia", 2001. P. 18.
 87. *Seneca Lucius Annaeus*. Moral Letters to Lucilius / Prepared by S.A. Oshero; Ed. M.L. Gasparov. M.: "Nauka", 1977. P. 249.
 88. Ibid. P. 32.
 89. *Seneca Lucius Annaeus*. On Mercy // Lucius Annaeus Seneca; trans. from Latin. M. Brasha et al. St. Petersburg: "Azбука", "Azбука-Atticus", 2021. P. 199.
 90. Ibid. P. 220.

91. Ibid. P. 223.
92. Ibid. P. 202.
93. *Marcus Aurelius Antoninus. Meditations* // Published by A.I. Dovatur, A.K. Gavrilov, Ya. Unt. 2nd ed., corrected and enlarged. St. Petersburg: "Nauka", 1993. P. 6.
94. *Diogenes Laërtius. On the Lives, Teachings, and Sayings of Famous Philosophers* / General editor and introduction by A.F. Losev. M.: "Mysl" 1979. P. 359.
95. *Thucydides. History* // Responsible editor Ya.M. Borovsky. L.: "Nauka", 1981. P. 380.
96. Materialists of Ancient Greece: Collected Texts of Heraclitus, Democritus, and Epicurus. Democritus // General editorship and step-by-step article by M.A. Dynnik. M.: "Gospolitizdat", 1955. P. 169.
97. *Aristotle. Athenian Polity. State Structure of the Athenians*. 2nd ed. / Translated and annotated by prof. S.I. Radtsig. M.: State Socio-Economic Publishing House, 1937. P. 56.
98. *Aristotle. Politics. Aristotle Works: in 4 volumes. Vol. 4* / Translated from Ancient Greek; General editorship by A.I. Dovatura. M.: "Mysl", 1984. PP. 483–484.
99. Ibid. P. 514.
100. Ibid. P. 502.
101. Ibid. P. 504.
102. *Aristotle. Politics. Aristotle Works: in 4 volumes. Vol. 4* / Translated from Ancient Greek; General editor A.I. Dovatura. M.: "Mysl", 1984. P. 510.
103. Ibid. P. 575.
104. *Lord Acton. Essays on the Formation of Freedom: 2nd ed., supplemented* // Lord Acton; translated from English by J. Kolker; foreword by O. Chadwick. M.; Chelyabinsk: "Socium", 2016. P. 68.
105. *Grotius Hugo. On the Law of War and Peace* / Translated from Latin and notes. A. L. Sacchetti. Foreword by S.B. Krylov. Introduction by A.A. Zheludkov. M.: "Gosyurizdat", 1956. P. 141.
106. *Aeschines. Against Ctesiphon on the Crown* // Orators of Greece: Trans. from Ancient Greek // Comp. and scientific preparation of texts by M. Gasparov; Introduction by V. Borukhovich; Commentary by I. Kovaleva and O. Levinskaya. M.: "Art Literature", 1985. P. 162.

107. *Lysias*. Speeches // Trans., article, commentary by S.I. Sobolevsky; Introduction by L.P. Marinovich, G.A. Koshelenko. M.: "Ladomir", 1994. P. 61.
108. *Demosthenes*. Speeches: In 3 volumes. Vol. I / Ed. E.S. Golubtsova, L.P. Marinovich, E.D. Frolov. M.: "Monument to Historical Thought", 1994. P. 145.
109. *Belokh Yu.* Greek history: in 2 volumes. Vol. 1. Ending with the sophistic movement and the Peloponnesian War / Julius Belokh; translated from German by M.O. Gershenzon; State Public History Library of Russia. 3rd ed. / edited and with an introduction by Yu.I. Semenov. M., 2009. P. 374.

CRITICISM OF DEMOCRACY IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL PREFERENCES OF ANCIENT THINKERS

A. Ter-Vardanyan

Russian-Armenian University

ABSTRACT

The articles examine the attitudes of a number of prominent ancient thinkers toward democracy, from the perspective of their political preferences. In this regard, the aim is to analyze and identify, first and foremost, the characteristic features of their negative attitudes toward popular government. The aim of the paper is to examine and understand not the causes of such criticism, but rather the consequences - that is, the results of various attitudes toward democracy, based on their preferences for the best form of government. To achieve this goal, the opinions of ancient authors are systematically examined within the framework of a comparative historical analysis, identifying and clarifying the characteristic features of their critical attitudes toward democracy. The relevance of this study lies in the need for a more in-depth study and understanding of ancient ideas about democracy.

Keywords: form of government, extreme democracy, moderate democracy, majority rule, freedom, equality.